

УДК 82.0:801.6

В. А. Боярский

Новосибирск, Россия

ЧЕЛОВЕК ТОЛПЫ НА НОЧНЫХ ДОРОГАХ: ЭДГАР АЛЛАН ПО И ГАЙТО ГАЗДАНОВ

Рассматривается гипотеза о влиянии новеллы Э. А. По «Человек толпы» на роман Г. Газданова «Ночные дороги». Прослеживается корреляция между данными текстами в таких их особенностях, как фигура любопытного рассказчика / наблюдателя / аналитика, набор объектов его аналитических усилий (социально-профессиональные страты, герой-оригинал), ключевая идея тайны человеческого сердца, место и время действия.

Ключевые слова: Э. А. По, «Человек толпы», Г. Газданов, «Ночные дороги», влияние, интертекст.

Цель нашей работы – доказать влияние новеллы Э. А. По «Человек толпы» (1840) (далее – ЧП) на документальный роман Г. Газданова «Ночные дороги» (1939–1941) (далее – НД). Данный вопрос, насколько нам известно, ещё не привлекал исследовательского внимания. Учитывая особый интерес к фигуре Эдгара По, который Газданов проявлял на протяжении всей жизни (упомянем лишь его статью «Заметки об Эдгаре По, Гоголе и Мопассане» (1929) и рассказ «Авантюрист» (1930), героем которого является американский романтик), факт знания Газдановым текстов По кажется очевидным.

Рассмотрим содержание новеллы американского писателя. Рассказчик (повествование имеет форму Ich-Erzählung) сидит осенним вечером в лондонской кофейне; он выздоравливает после долгой болезни и поэтому чувствует себя в особом состоянии «острейшей восприимчивости». Толпа, проходящая перед его взором, вызывает у него неподдельный интерес; он с наслаждением погружается в «созерцание улицы». Сначала характер его наблюдений «абстрактный и обобщающий»: «Я рассматривал прохожих в целом и думал о них собирательно» [1, с. 278] (этот этап никак не иллюстрирован). Далее, перенастроив свою аналитическую «оптику», он переходит к следующему – более конкретному – этапу:

Боярский Вячеслав Анатольевич – кандидат филологических наук, доцент Сибирского независимого института (ул. Северная, 23/1, Новосибирск, 630082; boyarski@ngs.ru; +7 (383) 228 11 70)

Сюжетология и сюжетология. 2013. № 2. С. 54–60
© В. А. Боярский, 2013

«...я перешёл к подробностям и начал с пристальным вниманием разглядывать бесчисленное разнообразие фигур, одежд, осанок, походок, обликов и выражений лиц» [1, с. 278–279]. Вначале остриё его анализа направлено на два разных типа людей, отличных по поведению в толпе: первый тип, подвергаясь неизбежным толчкам, не раздражается, но сосредоточен на задаче пробраться сквозь толчею; второй тип, более погружённый в себя и рассеянный, движется не столь успешно. Затем рассказчик-наблюдатель переключает своё внимание на определение социальной и профессиональной стратификации людей в толпе; базовым признаком является одежда; рассказчик выделяет людей в приличной одежде («Они были, несомненно, дворяне, коммерсанты, юристы, лавочники, биржевые маклеры...» [1, с. 279]) и остальных (видимо, в одежде, отступающей от «приличной», выделяющейся). Среди последних он с разной степенью внимания рассматривает «племя клерков» (выделяя два его разряда: клерков младших и старших), карманников высокого класса, игроков и авантюристов. Далее рассказчик оговаривает свой «спуск» по лестнице того, «что называется благопристойностью» [1, с. 280], и обнаруживает здесь следующие «более утаённые и глубокие предметы для размышлений» [1, с. 280]: евреев-разносчиков, нищих-профессионалов, хилых инвалидов, скромных девушек-работниц, падших женщин «всех родов и возрастов» [1, с. 280], пьяниц, «...а помимо них, видел я пирожников, носильщиков, угольщиков, трубочистов; шарманщиков, вожakov обезьянок, балладников – и певцов, и продавцов; оборванных ремесленников и изнурённых мастеровых всякого рода...» [1, с. 280–281].

Проходит время – изменяется характер толпы, освещение, и сама атмосфера наблюдаемого объекта: «Ночь становилась более глубокой, усугублялся и мой интерес к зрелищу; ибо коренным образом переменялся не только общий характер толпы (более приличные её черты исчезали с постепенным уходом порядочной части публики, а те, что грубее, делались всё резче и рельефнее по мере того, как позднее время выводило из нор всё, что есть гнусного), но лучи газовых фонарей... одержали верх и залили всё судорожным и вульгарным блеском...» [1, с. 281]. Эти изменения приводят к очередному этапу наблюдения: «Бредовые эффекты освещения захватили меня, и я начал изучать отдельные лица...» [1, с. 281]. Наблюдателю кажется, что особое состояние, в котором он пребывает, позволяет ему, бросив один лишь взгляд на лицо человека в толпе, «за краткий миг прочесть историю долгих лет» [1, с. 281]. Внезапно в поле его зрения попадает лицо дряхлого старика, облик которого «мгновенно привлёк и поглотил всё моё внимание совершенно неповторимостью выражения» [12, с. 281]. «Мгновенная аналитика», столкнувшись с уникальным объектом, «даёт сбой»: рассказчик не в состоянии структурировать полученные противоречивые впечатления («...в голове моей парадоксально возникли представления об осторожности, обширном уме, нищете, скряжничестве, хладнокровии, злобности, кровожадности, злорадстве, весёлости, крайнем ужасе, бесконечном – глубочайшем отчаянии» [1, с. 281]). Если «истории» других людей поддавались аналитическому усилию сразу, то эта требует более одного взгляда. Сложность задачи, тайна, которую воплощает старик, вызывает неподдельный интерес рассказчика; он начинает незаметно следить за стариком, и эта слежка длится почти сутки. Выясняется, что старик, во-первых, непрерывно движется, во-вторых, ищет места скопления людей, в-третьих, именно в таких местах словно набирается сил. Преследователь-аналитик приходит к следующему выводу: «Старик, – сказал я себе, – олицетворённый дух глубокого преступления. Он отказывается быть один. Он – человек толпы. Тщетно было бы следовать за ним, ибо я не узнаю большего ни о нём, ни о его делах» [1, с. 284]. И в этом выводе происходит возвращение к начинающей новеллу теме тайн, «которые не позволяют себя разгласить» [1, с. 278]. Наметив в начале произведения

парадоксальные в своей непознаваемости объекты внутреннего мира человека, рассказчик в итоге сталкивается именно с таким объектом познания – и убеждается в незыблемости и непроницаемости его границ.

Рассмотрим НД через призму новеллы По.

Уже начальный эпизод НД оказывается в этом аспекте чрезвычайно интересен. Рассказчик сообщает, что несколько дней назад во время работы он глубокой ночью увидел маленькую инвалидную трёхколёсную тележку; далее сообщается: «Я приблизился, чтобы лучше её рассмотреть; в ней сидела закутанная, необыкновенно маленькая старушка; видно было только ссохшееся, тёмное лицо, уже почти нечеловеческое, и худенькая рука того же цвета, с трудом двигавшая руль. <...> Куда могла ехать ночью эта старушка, почему она оказалась здесь, какая могла быть причина этого ночного переезда, кто и где мог её ждать? Я смотрел ей вслед, почти задыхаясь от сожаления, сознания совершенной непоправимости и острого любопытства, похожего на физическое ощущение жажды. Я, конечно, не узнал о ней решительно ничего. Но вид этого удаляющегося инвалидного кресла... вдруг пробудил во мне то ненасытное стремление непременно узнать и попытаться понять многие чужие мне жизни, которое в последние годы почти не оставляло меня. Оно всегда было бесплодно, так как у меня не было времени, чтобы посвятить себя этому. Но сожаление, которое я испытывал от сознания этой невозможности, проходит через всю мою жизнь» [2, с. 463]. Мы видим рассказчика, который уже долгие годы находится в особом состоянии «ненасытного стремления» узнать и понять «многие чужие жизни»; у По рассказчик испытывает аналогичный импульс: «Я испытывал покойный, но пылкий интерес ко всему» [1, с. 278]. Отметим, что с появлением старика «покойный интерес» рассказчика к окружающему принципиально меняется: «И возникло страстное желание не упускать старика из виду – побольше узнать о нём» [1, с. 281].

Сами объекты «острого любопытства» – старушка у Газданова и старик у По – также имеют набор совпадающих черт. Во-первых, это мотив старости. Во-вторых, мотивы маленького роста и слабости: у По рассказчик, догнав старика, рассматривает его как следует и видит, что он «малого роста, очень тощий и, видимо, очень хилый» [1, с. 281]; «необыкновенно маленькая» старушка, её ссохшееся лицо и худенькая рука – вот то, что видит газдановский повествователь. В-третьих, совпадает мотивный комплекс загадочного движения по ночному городу; общим, кроме того, является и сам парадокс движения человека, казалось бы, неспособного к такому движению: у По хилый старик парадоксальным образом оказывается способен безостановочно передвигаться по городу в течение суток; у Газданова таким же парадоксом является сам факт самостоятельного передвижения «необыкновенно маленькой» старушки. В-четвёртых, совпадает мотив нераскрытой тайны: ни тому, ни другому рассказчику не удаётся узнать тайну объекта своего «исследования»; здесь, однако, заметна и существенная разница: у По наблюдатель активен и легко превращается в тайного преследователя, что позволяет ему не столько узнать, сколько понять старика и тип его тайны, у Газданова же рассказчик (в рассматриваемом эпизоде) способен лишь на минимальную активность (приблизиться, но не пойти следом), его «ненасытное стремление» узнать чужую жизнь словно заблокировано, и выражается не столько в действиях, сколько в горьких lamentациях об их невозможности. Пятым совпадающим мотивом является здесь мотив «нечеловеческого» в облике объектов наблюдения. У По о старике сообщается: «...заметив его, я прежде всего подумал, что, если бы его увидел Ретц, то он бы в значительной мере предпочёл его своим собственным воплощениям врага рода человеческого» [1, с. 281]; старик, таким образом, оказывается похож на дьявола. Старушка же у Газданова, тёмное лицо которой «уже почти нечеловеческое» [2, с. 463], напоминает не столько пришель-

ца из другого мира, сколько человека, готового в любой момент в этот другой мир отправиться, стоящего одной ногой в могиле, но демонстрирующего неожиданную для своего состояния «сверхспособность» двигаться.

Другой фигурой НД, которую следует сопоставить с таинственным стариком в ЧТ, является Ральди. Общими для этих персонажей будут следующие мотивы и мотивные комплексы: а) старость (Ральди – самый старый «женский» персонаж НД); б) передвижение по ночному городу (героиня вынуждена в пожилом возрасте зарабатывать проституцией по ночам); в) некогда богатый человек, впавший в нищету (у старика под ветхим сюртуком блестит бриллиант; проститутка Ральди когда-то была известнейшей дамой полусвета и владела состоянием в двадцать миллионов франков); г) страсти (своё впечатление от старика рассказчик описывает так: «... в голове моей парадоксально возникли представления об осторожности, обширном уме, нищете, скряжничестве, хладнокровии, злобности, кровожадности, злорадстве, весёлости, крайнем ужасе, бесконечном – глубочайшем отчаянии» [1, с. 281]; такой набор черт характеризует человека с сильными страстями; Ральди объясняет рассказчику своё нынешнее плачевное состояние тем, что «страсть сильнее всего» [2, с. 505]); д) исключительный интерес, своего рода «таинственная харизма» (на протяжении всего романа рассказчик пытается раскрыть тайну Ральди; тем же самым – тайной старика – занят рассказчик у По).

Вернёмся к фигурам рассказчиков. Очевидным совпадением является сама форма повествования: оба произведения имеют форму *Ich-Erzählung*. Другой чертой сходства становится особое внутреннее состояние обоих рассказчиков: происходящее у По во многом определяется именно этим состоянием, которое характеризуется (а) повышенной восприимчивостью ко всему происходящему вокруг и (б) особой остротой и скоростью аналитических реакций. Происходящее в НД также можно частично объяснить особыми способностями и состоянием рассказчика. Для героя НД тоже характерна особая скорость восприятия (и реакций), связанная с многолетней работой шофёром («...долгие годы шофёрского ночного ремесла, требующего постоянного зрительного напряжения... развили эту быстроту зрительного впечатления во мне... до размеров необычных для среднего человека...» [2, с. 495]), и, кроме того, особые мнемонические способности («Я запоминал навсегда однажды увиденное лицо женщины, помнил свои ощущения и мысли чуть ли не за каждый день на протяжении многих лет...» [2, с. 481]). Он тоже находится в особом состоянии, которое определяется двумя модусами. С одной стороны, им владеют два взаимоисключающих чувства – презрение и жалость: «У меня не было предвзятого отношения к тому, что я видел, я старался избегать обобщений и выводов: но, помимо моего желания, вышло так, что два чувства овладевают мною сильнее всего, когда я думаю об этом, – презрение и жалость» [2, с. 464–465] (и та же формула в несколько изменённом виде: «Постоянное моё любопытство тянуло меня к этим местам (предместьям Парижа. – В. Б.), и я неоднократно обходил все те кварталы Парижа, в которых живёт эта ужасная беднота и эта человеческая падаль... и у меня сжималось сердце от жалости и отвращения» [2, с. 485]. Главным желанием газдановского таксиста является желание оградить свой внутренний мир: «...не быть всё же захлестнутым той бесконечной и безотрадной человеческой мерзостью, в ежедневном соприкосновении с которой состояла моя работа» [2, с. 465]. Отсюда можно сделать закономерный вывод, что рассказчик в НД так же, как и герой у По, обладает повышенной восприимчивостью к происходящему, именно этой «тонкокожестью» и вызвана хорошо осознаваемая им необходимость защиты от «ночного мира». С другой стороны, его поведение и поступки чаще всего мотивируются любопытством: а) показательный начальный эпизод со старушкой: «...это любопытство было... непонятым влечением...» [2, с. 463] и «Я смотрел ей в след, почти задыхаясь

от... острого любопытства, похожего на физическое ощущение жажды» [2, с. 463]; б) «...бескорыстному моему любопытству ко всему, что окружало меня...» [2, с. 464]; в) «Постоянное моё любопытство тянуло меня к этим местам...» [2, с. 485]; г) «...я всё же пошёл, подчинившись обычному моему любопытству ко всему, что меня не касалось» [2, с. 551]; д) «Я испытывал нечто вроде непонятного и острого любопытства ко всему этому нелепому и трагическому недоразумению, но одновременно с любопытством во мне поднималось столь же непонятное и столь же необоснованное отвращение, так, точно я должен был войти в помещение, воздух которого отравлен невыносимым запахом тления» [2, с. 559]. Модус «презрения и жалости», с одной стороны, и «любопытства» – с другой, характеризует странность и особость внутреннего состояния аналитика в НД. Отметим, что любопытство является лейтмотивным поведенческим импульсом и у По: а) «Я с большим любопытством следил за этими господами...» [1, с. 279]; б) «Эти наблюдения увеличили моё любопытство, и я решил следовать за незнакомцем, куда бы он ни направился» [1, с. 282]; в) «...принял твёрдое решение не расставаться с ним, пока хоть в какой-то мере не удовлетворю моё любопытство относительно него» [1, с. 283].

В произведениях во многом совпадает как сам тип наблюдаемой пространственной динамики, так и время действия: у По это прежде всего хаотичное на первый взгляд передвижение старика и преследующего его наблюдателя по вечернему и ночному городу, маршрут его определяется местами скопления людей, в которых нуждается старик; у Газданова это такое же передвижение по ночному городу таксиста-наблюдателя на своей машине, определяемое прежде всего поиском клиентов, которых, естественно, легче всего найти в местах людских скоплений (общим для произведений становится и мотив знания ночного города, которое демонстрирует как старик у По, так и нарратор-таксист у Газданова).

Рассмотрим объекты анализа рассказчиков-аналитиков. Герой ЧТ, как мы уже говорили, занят анализом сначала себя (своего особого состояния), затем психологических типов людей в толпе, социальных и профессиональных страт (которые, отметим, легко «раскрывают свои тайны») и, наконец, странного старика, героя-оригинала, чью тайну ему раскрыть, увы, не удаётся. Если подсчитать рассмотренные объекты второй группы (социальные и профессиональные страты), то оказывается, что, несмотря на малый объём новеллы, с той или иной степенью внимания рассмотрены десять страт, а упомянуты ещё шестнадцать. Герой-рассказчик НД занят тем же: он анализирует себя, социальные и профессиональные страты (их двенадцать, а именно: проститутки, рабочие (французские и русские), эмигранты, бродяги, сутенёры, нищие, завсегдатаи Больших бульваров, служащие, шофёры, профессиональные воры, учёные, аббаты) и героев-оригиналов, которых в НД оказывается много больше, чем у По (двадцать, если быть точным: старушка в инвалидной коляске, «человек с усиками», m-г Мартини, счастливый гарсон, Платон, русский интеллигент-рабочий, Федорченко, русский генерал-рабочий, Ральди, нотариус, безмянный политик, Куликов, Алиса Фише, Сюзанна, Васильев, Саша Семёнов, Катя Орлова, Иван Петрович, Иван Николаевич, Леночка). Принципиальным отличием на первый взгляд кажется тот факт, что газдановский анализ героев-оригиналов заканчивается точным диагнозом их «болезни»: рассказчик НД, внимательно следя за такими героями и желая проникнуть в суть их личности, с беспристрастностью учёного определяет этиологию их психического или социального «уродства». Однако среди них выделяется два персонажа, «диагноз» которых оказывается сформулирован в несколько иной тональности, что заставляет читателя усомниться в его правильности и окончательности. Эти персонажи – Ральди и Платон. Таким образом, лишь рассмотрение психоло-

гических типов людей в толпе не находит аналогии у Газданова; остальные типы объектов анализа совпадают.

Сравним базовые идеи, лежащие в основе новеллы По и романа Газданова. У По эта идея очевидна во многом благодаря приёму кольцевой композиции. Эта идея, как уже упоминалось, – идея тайны, которая не позволяет «себя разгласить» [1, с. 278]. Именно на такую тайну человеческого сердца натывается, казалось бы, всемогущий герой-аналитик ЧТ, оказавшийся в финале красноречивым свидетелем существования границ познания, которые не способны преодолеть его аналитический аппарат и упорство. Такая тайна – редкий случай, но её существование бесспорно. Базовая идея НД аналогичным образом даётся в начале и конце романа: в начале она формулируется как невозможность узнать и понять многие чужие жизни [2, с. 463], в конце же романа герой думает «о ночных дорогах и о смутно-тревожном смысле всех этих последних лет, о смерти Ральди и Васильева, об Алисе, о Сюзанне, о Федорченко, о Платоне, о том немом и могучем воздушном течении, которое пересекало мой путь сквозь этот зловещий и фантастический Париж – и которое несло с собой нелепые и чуждые мне трагедии...» [2, с. 656] – и понимает, «что в дальнейшем я увижу всё иными глазами; и, как бы мне ни пришлось жить и что бы ни сулила судьба, всегда позади меня, как сожжённый и мёртвый мир, как тёмные развалины рухнувших зданий, будет стоять неподвижным и безмолвным напоминанием этот чужой город далёкой и чужой страны» [2, с. 656]. Такой финал можно интерпретировать как подтверждающий начальную идею романа: герою не удалось – в силу сложности объекта – понять смысл увиденного им, однако даже понимание собственной неспособности понять уже привело его к принципиальному изменению точки зрения. При всём сходстве идей у По и Газданова очевидно и их существенное отличие: у По «непознаваемая тайна» связана с отдельным человеком, у Газданова же – с некоторой констелляцией событий и судеб, которую герой пытается интерпретировать и которая в его сознании оказывается символически связанной с тем городом (Парижем), в котором происходит действие романа. Иначе говоря, у По не позволяющая себя разгласить (и понять) тайна – «сердце человека», у Газданова – «сердце города». Отметим, что в новелле По также есть неоднократные ремарки, подчёркивающие определяющую роль Лондона в происходящем (своего рода акварельный набросок темы мегаполиса, уверенной рукой доведённый до резкости офорта в НД).

Подведём итоги. Почти все важнейшие особенности ЧТ коррелируют с аналогичными, *mutatis mutandis*, чертами НД: это и фигура любопытного рассказчика / наблюдателя / аналитика, и набор объектов его аналитических усилий (социально-профессиональные страты, герой-оригинал), и ключевая идея тайны человеческого сердца, и место и время действия. Думается, на основании сказанного можно утверждать, что богатая интертекстуальная палитра НД может быть дополнена ещё одним произведением.

Список литературы

1. По Э. А. Полн. собр. рассказов. М.: Наука, 1970. Серия «Литературные памятники». 800 с.
2. Газданов Г. Собр. соч.: В 3 т. М.: Согласие, 1996. Т. 1. 720 с.

V. A. Boyarsky

Novosibirsk, Russia

**THE MAN OF THE CROWD ON THE NIGHT ROADS:
EDGAR ALLAN POE AND GAYTO GAZDANOV**

In this article the hypothesis about the influence of Edgar Poe's novel «The Man of the Crowd» upon the novel «The Night Roads» by Gayto Gazdanov is put forward. There is the correlation between the two texts in such features as the image of the inquisitive story-teller / observer / analyst, a set of objects for his analytical efforts (social-professional strata, the original hero), the key idea of the human heart mystery, the time and the place.

Keywords: E. A. Poe, «The Man of the Crowd», Gazdanov G., «The Night Roads», influence, intertext.

Boyarsky Vyacheslav A. – candidate of sciences (Philology), associated professor of the Siberian Independent Institute (23/1 Severnaya Str., Novosibirsk 630082; boyarski@ngs.ru; +7 (383) 228 11 70)